

* * *

Я – Есть, мой друг! Я – Тот, Кто Есть.
Прошу меня ни с кем не путать.
Не про твою иль чью-то честь,
Не с тем, чтоб нравиться кому-то.

Других таких же нет, как Я,
Как нет других Тебе подобных.
И пусть я – разный. Но всегда
Я Тот, Кто Есть! Из несъедобных.

Дружить со мною нелегко.
И здесь виною не брезгливость.
Не штампы: «близко», «далеко»...
А просто так – несовместимость.

Для тех, кто хочет меня съесть,
Скорей всего я стану ядом.
Я – Есть, мой друг! Я – Тот, Кто Есть!
И приправлять меня не надо.

* * *

Не стоят славы и успеха
Твои свобода и покой.
Поверь, блестящие доспехи
Твоей железною тюрьмой
Однажды станут на потеху
Пред вожделеющей толпой.

Когда, насытив чрево хлебом,
Взалкает зрелища народ,
Он утолить свою потребу,
К тебе, Кумиру, приползёт
И до себя опустит Небо
С его заоблачных высот.

Не рассыпай сакральный бисер
Горстями щедро. погоди!
Сегодня – «деньги!», «браво!», «бисы!»...
А Завтра? – Время уходить?!
Быть может, лучше за кулисой
Стать Созерцателем да жить?
Сжечь тщетных дел ненужный список
И птиц из клетки отпустить.

* * *

Соблазн всегда в прекрасном есть,
И в искушении – блаженство!
Там совершенство прячет месть
Всем, кто не чтит несовершенство.

Там отголоски прошлых лет
Разбросаны, как сор, повсюду.
Один в забвении поэт –
Его уже никто не любит.

Он вкусно съеден и забыт.
Прошёл, как всё и все проходят.
Талантлив, молод, знаменит
Когда-то был. Теперь не моден.

Букет – изысканный вчера,
Сегодня выброшен в помойку.
Влечение длится до утра,
Но до рассвета греет койку!

Прохлада трезвости вползёт
Под лёгкость пуха одеяла,
И день реальности начнёт
По кругу бег опять сначала.

* * *

Притяжение Духа Материей
Велико. И из тела не вырваться
Просто так, не прожив свои тернии,
Удовольствия, счастья и мытарства.

Не познав тонкий вкус одиночества
После сладости горькой общения
И восторг неизбежности творчества
После долгих дорог разрушения.

* * *

Я с тишиной
живу в себе самом.
В ответ звучит мне только моё эхо,
Когда вхожу
хозяином в свой дом
В ничем не защищающих доспехах

От пустоты,
что полной хочет быть.
Но лишь меня ей, очевидно, мало.
Она могла бы
всех в себя вместить,
Да вот, полней от этого б не стала.

Я одиночеству в аренду сдан
Среди богатства выбора общенья.
Как в эпицентре кроток ураган,
Сквозит покой во всех моих движеньях.

Я отражён
в своих же зеркалах.
Тех, что меня обратно возвращают.
И в созерцаний розовых очках
Я отражений рукопись читаю.

На все звонки
я отвечаю сам
И сам себе передаю приветы.
Нет у меня
почтения к словам,
Когда вопрос значительней ответа.

Вокруг светила вертится Земля
И оторваться прочь никак не может.
Так пёс дворовый, цепь свою кляня,
Кружит на привязи
возможного.
Я – тоже.

* * *

Что происходит, господа?!
Кто нам откроет эту правду,
Когда вдруг искренне года
Свои просматривает каждый?

Что в состоянии понять
Наш ум, детальностью пленённый?
И кто из нас желает знать
Всё так, как есть, людьми рождённый?

Кто состоятелен вполне
Здесь, на Земле, и там – на Небе?
И кто сторонний на войне
За свой очаг и корку хлеба?

Кто в состоянии презреть
Материю с её тюрмою?
И наконец-то не терпеть,
А жить с открытою душою.

Кто что-то знает о любви?
Кто был когда-нибудь свободен?
И только ветер фонари
Качает, осени угоден...

* * *

Уже ли всё, что было жаль,
За дверь в прошлое осталось?!
Тумана тонкая печаль
Вчера по окнам в сад стекала

И оседала на ветвях,
Отцветших несказанным светом,
На красках осени, друзей,
На всём, что было прежде Летом...

Из четырёх сезонов год,
Четыре времени в природе.
Воспоминаний хоровод
Кружит с листвою в непогоду,
Уже сезон четвёртый ждёт...

И следом, наконец, – Свобода!

* * *

Прощенья Человек достоин
Уже за то, что здесь рождён.
И, одинокий в поле воин,
Уже на смерть определён.

За то, что, в очевидной схватке
За выживание, не мог
Играть с самим собою в прятки.
И не всегда бывал жесток.

За то, что пресловутой чаши
Не миновал и пил до дна.
Что жизнь пытался сделать краше,
Но принимал, как есть, всегда.

За то, что белой был вороной.
А чёрных с детства не любил,
Державших стаей оборону.
Они – клевали. Он – их бил.

За то, что не без сожаленья
Сдавал в осаде города
И ждал рассвета пробужденья
От комы массового сна.

Во лжи тотальной знал и верил,
Что всё неправда, всё не так.
Что существуют где-то двери –
Открой и выйди, сделай Шаг!

Да кто б из нас ни подписался
Здесь в несогласии своём!
Если, конечно, в нём остался
Тот, кто был Матерью рождён.

* * *

В тот день, когда приходит осень
И с сердца первый лист слетит,
Ты вдруг заметишь, как уносит
Куда-то небо стаю птиц.

Холодным утром это будет.
Ещё чуть дремлющий рассвет
Туман за окнами разбудит
И тихо ночь сведёт на нет.

Ты выйдешь – зябкий, неготовый –
В молочных сумерках стоять,
Смотреть, в который раз, как снова
День станет сам себя рождать.

И вдруг, пронзительно-знакомый,
Как близко, так и далеко,
Услышишь крик, словно из Дома,
Что всеу лет забыл легко.

Тогда, вцепившись взглядом в небо,
Туман осенний, птичий клин,
Поймёшь, как долго ты там не был
И как давно уже один.

И станет «здесь» совсем чужою
Та жизнь, что ты считал своей.
И беспричинно пёс завоет
С той стороны твоих дверей.

* * *

Умейте наслаждаться мелочами!
Случайной радостью нечаянных минут,
Когда внезапно происходит что-то с нами
И всё меняется – как будто ты не «Тут»,
А где-то «Там», в безмерности далёкой,
Непостижимой будничным умом,
Где ждёт и теплится нетронутым до срока
Твой настоящий, но забытый Дом.